

А.Д. Терлецкий

Соня Мармеладова

Мармеладова Софья Семеновна (Соня) — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», дочь от первого брака титулярного советника Семена Захарыча Мармеладова. Девушка «лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами». Когда они оживлялись, «выражение лица становилось такое доброе и простодушное, что невольно привлекало к ней». Несмотря на свой возраст, Соня казалась «совсем почти ребенком, и это иногда смешно проявлялось в некоторых ее движениях». Воспитания в детстве Соня почти не получила. Пробовал было заниматься с нею отец, но «остановились на Кире Персидском». «Достигнув зрелого возраста», Соня прочла несколько книг «содержания романтического», а потом благодаря Лебезятникову «Физиологию» Льюиса — «вот и все ее просвещение».

Жизнь с несчастным отцом-пьяницей, с мачехой Катериной Ивановной — «сумасшедшей от горя», «среди голодных детей, безобразных криков и попреков» вынуждает Соню на отчаянный шаг — пойти по «желтому билету». Свой первый «заработок» — тридцать целковых — она «молча выложила» перед Катериной Ивановной, а та «весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала...» Так же молча («Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют») Соня подала отцу на похмелье последние тридцать копеек. Позор коснулся ее «только механически; настоящий разврат еще не проник ни одною каплей в ее сердце». Сонино положение в обществе — «явление случайное», но, «к несчастью, далеко не одиночное и не исключительное». Перед ней, полагает Раскольников, открыты три дороги: «броситься в канаву, попасть в сумасшедший дом или... броситься в разврат, одурманивающий ум и окаменяющий сердце». Пожалуй, только один Лебезятников — приверженец «новой» жизни в «коммунах» — смотрит на действия Сони «как на энергический и олицетворенный протест против устройства общества» и глубоко уважает ее «за это». Правда, по его мнению, у нее «все еще... мало отрицания, чтобы совершенно оторваться от иных предрассудков и... глупостей».

Мармеладов испытывает чувство бесконечной вины перед дочерью. Он уповает, что пожалеет и простит Господь его Соню за то, что она «возлюбила много»: «мачехе злой и чахоточной... детям чужим и малолетним себя предала» и отца — «пьяницу непотребного» — пожалела. Раздавленный лошаадьми, Мармеладов обращается к Соне с просьбой о прощении и умирает у нее на руках.

Раскольников считает, что сделал своей сестре честь, когда посадил ее рядом с Соней, — ведь «Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным», тем более что у Дуни «все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет». Лужину, называющему Соню «девицей отъявленного поведения», он заявляет, что тот не стоит мизинца несчастной девушки. Для Раскольникова Соня — «Сонечка... вечная Сонечка, пока мир стоит!» — воплощение человеческого страдания. «Я не тебе поклонился, — говорит он ей, — я всему человеческому страданию поклонился».

Сама Соня считает себя «великой грешницей». «Приниженная, убитая, расфранченная и стыдящаяся», смиренно ожидает она своей очереди проститься с умирающим отцом; боится сесть в присутствии «дам»; не смеет даже и взглянуть на Дуню. Мысль о «бесчестном и позорном ее положении» давно истерзала Соню до «чудовищной боли». Робкая от природы, она знает, что «ее легче погубить, чем кого бы то ни было», что обидеть ее может всякий «почти безнаказанно». И поэтому кротостью, покорностью

«перед всем и каждым» всегда старается избежать «беды». Поступок Лужина, подло представившего ее «воровкой», заставляет Соню ощутить мучительное чувство беспомощности — ей становится «уж слишком тяжело». Тем не менее на вопрос Раскольникова: «Лужину ли жить и делать мерзости или умирать Катерине Ивановне?» — она отвечает: «Да ведь я Божьего Промысла знать не могу... И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» Любой человек для нее — не «вошь».

Однако Соня не «понапрасну (как думает Раскольников) умертвила и предала себя», но «тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!». От самоубийства ее удерживает «мысль о грехе» и забота о судьбе «жалкой, полусумасшедшей» мачехи и ее бедных, маленьких детей. «Ненасытимое сострадание» к ближнему столь велико в душе Сони, что она «свое последнее платье скинет, продаст, босая пойдет, а вам отдаст, коль вам надо будет». Соня, как и Катерина Ивановна, «верит, что во всем справедливость должна быть... И хоть мучайте ее, она несправедливого не сделает». Вера в Бога дает ей жизненную силу: «Что ж бы я без Бога-то была?» Когда Соня «горячо и страстно» читает Раскольникову главы Евангелия от Иоанна о воскресении Лазаря, ее охватывает чувство «великого торжества» — будто сама она воочию видит, как «вышел умерший».

К Соне приходит Раскольников с признанием в совершенном убийстве, чтобы переложить на нее «хоть часть своих мук». Когда же она, не поверив своим ушам, «глазам наконец поверила», лицо ее невольно приняло то выражение, с которым Лизавета отстранялась от занесенного над ней топора. Обе эти женщины из разряда тех человеческих существ, которые не плачут, не стонут, а, все отдавая, «глядят кротко и тихо». Раскольников, неожиданно ощутивший приступ «едкой ненависти» к Соне, встречает «беспокойный и до муки заботливый взгляд ее», видит одну лишь любовь — и ненависть его исчезает как призрак. Соня понимает только то, что он «ужасно, бесконечно несчастен» — «нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!». Она бросается перед Раскольниковым на колени, обнимает и целует его, обещает никогда и нигде не оставлять — «за тобой пойду, всюду пойду!» При этом Соня не испытывает «ни малейшего отвращения, ни малейшего омерзения к нему», он не чувствует «ни малейшего содрогания в ее руке». Она знает, что Раскольников — богохульник, который «ничего» не понимает («От Бога вы отошли, и Бог вас дьяволу предал»), и предлагает ему «страдание принять и искупить себя им»; советует «сию же минуту» пойти на перекресток, поцеловать оскверненную им землю, поклониться «всему свету» и произнести вслух: «Я убил!» — «Тогда Бог опять жизни тебе пошлет».

Соня для Раскольникова представляет собой «неумолимый приговор, решение без перемены» — «тут — или ее дорога, или его». Она надевает ему на грудь кипарисный — «простонародный» — крестик, благословляя на будущее страдание, а когда Раскольников идет на попятную, встречает его таким «диким» взглядом, что он уже не может не заявить на себя. «Когда только... возможно» Соня навещает Раскольникова в тюрьме, а затем (на деньги, оставленные ей Свидригайловым) отправляется за ним в Сибирь. Там она снискала непонятную для Раскольникова любовь арестантов. Клейменные каторжники кланялись ей и говорили: «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!» Они знали, что она добровольно за ним последовала, хвалили ее за все («даже уж не знали, за что похвалить»), ходили к ней лечиться.

Раскольникова Соня боялась, а он стыдился перед ней и мучил ее за это «своим презрительным и грубым обращением». Когда же наконец «он воскрес», и Соня поняла, что он «бесконечно любит ее», она — живущая «только одною его жизнью» — «была до того счастлива, что почти испугалась своего счастья».